

А

Аксаков Иван Сергеевич

<Статьи из газеты "Русь">

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит,
статья и коммент. А. С. Курилова. - М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям
русской словесности").

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

<О рассказе Л. Н. Толстого "Чем люди живы">

Какая прелесть - этот рассказ графа Л. Н. Толстого, помещенный в декабрьской книжке "Детского отдыха" - "Чем люди живы" (более подробный отчет о котором помещен ниже, в отделе критики и библиографии)! Что за эпическая простота, какой художественный реализм при самом идеалистическом содержании! Мы давно, по поводу одной сцены в романе "Война и мир" (встреча, взаимное прощение двух смертельно раненных соперников и чувство христианской любви, внезапно их осенившее), тогда еще высказали мнение {1}, что если граф Толстой и реалист, то в нем несомненно кроется способность выразить в строго реалистической форме самые неуловимые, тончайшие, самые возвышенные, именно христианские движения души, дать им, так сказать, художественную, такую же тонкую плоть и воздействовать ими на душу читателя. Много было толков о новом, якобы мистическом направлении автора, о том, что он уже погиб для искусства... {2} Напечатанный рассказ свидетельствует о противном. Художник-реалист не погиб в нем, но только стал художником внутренне просветленным, для которого освятилось искусство, раскрылся целый новый мир художественного творчества и нравственного служения. Говорят, что за этим рассказом последуют и еще два рассказа в том же прекрасном детском журнале. Гр. Толстой может успокоиться: его художественная деятельность вполне благотворна, - пусть только он сам не хоронит в себе божьего дара.

<О кончине И. С. Тургенева>

22 августа скончался в Буживале (поместье близ Парижа) Иван Сергеевич Тургенев. Кончина нашего знаменитого писателя не была неожиданностью. Более четверти века постоянным его местопребыванием были чужие края, и в Россию он являлся только гостем; едва ли бы даже можно было ожидать от него новых блестящих произведений, раскрывающих нашему общественному сознанию какую-нибудь новую сторону русской общественной жизни, внутренний смысл возникающих в ней явлений и направлений (как, например, в "Рудине", "Дворянском гнезде", "Отцах и детях" и т. д.). И тем не менее смерть его образует пустоту, которую заместить нечем и нечем, вызывает, - по крайней мере в литературно-общественной среде, - скорбное чувство обеднения и сиротства. Старые крупные мастера сходят в могилу или с поприща; на смену им не является или, вернее сказать, не настала еще пора явиться новым...

Тургеневым замыкается целый период нашей художественной литературы и общественного развития, запечатленный особым типом - идеализмом сороковых годов, несомненно возвышенным и гуманным, но более или менее неопределенным, малосодержательным, почти беспочвенным, более эстетическим, чем нравственно-доблестным; почти систематически чуждавшимся русского народного и исторического духа или, по крайней мере, сильно космополитическим, ощущавшим себя на Западе Европы несравненно более дома, чем в родной стране. В родной стране, впрочем, этот идеализм (нередко в литературе называемый "западничеством") обрел себе одно определенное, реальное явление жизни, к борьбе с которым, хотя бы лишь во имя "гуманности" и "общеевропейских культурных" начал, и приложил он с полной искренностью возможные для него усилия - в общем союзе с людьми так называемого народного направления: мы разумеем здесь крепостное право, уничтожение которого поэт-художник Тургенев поставил, по его словам, главной задачей своей жизни. И действительно, своими "Записками охотника" - едва ли не самым лучшим из его созданий - сослужил он своему отечеству и народу поистине добрую службу, после которой, однако, т<о> е<сть> после освобождения крестьян, именно в 1861 г. и променял Россию на постоянное жительство за границей {1}. Тем не менее Тургенев, как истинный художник, а по природе своей, наперекор своему воспитанию и так называемым "убеждениям", и вполне русский человек (и какой